

Глеб Иванович Успенский

Семейные несчастья

Глеб Иванович Успенский
Семейные несчастья
Серия «Очерки переходного
времени», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666115

Аннотация

В своем рассказе Успенский изображает конфликт между затхлой провинциальной средой и представителем разночинной молодежи, получившим образование в Петербурге и бесконечно отделившимся от мелких интересов захолустного чиновничества. Конфликт этот настолько резок, что рвутся кровные связи – сын, приехавший из Петербурга погостить к родителям, вынужден уехать, и ему «с мужиками-то, видно, приятнее, чем с отцом, с матерью...»

Содержание

1	4
2	6
Примечания	15

Глеб Иванович Успенский

Семейные несчастья

1

Итак, – «сорванец» появился, и с каждым днем все больше и больше стала возрастать непомерная разница во взглядах на жизнь родителей и детей, а скоро не было уж такого отца и такой матери, которые не были бы огорчены до глубины души поступками своих детей. Даже на воскресном пироге, на именинах и вообще во всех тех обывательских сходбищах, где рюмка развязывает языки и идет по обыкновению бессмысленная болтовня, и там «дети», непочтительные, дерзкие, безбожники, были первейшею темою собеседования. Горе было так велико, что даже и водка не развесяляла и пилаась со вздохами, так же как со вздохом шли жалобы и на детей.

– Где же ваш сынок тепериче, Марфа Ивановна? – ехидно спросил один из гостей, уже «оскорбленных» своими детьми.

– Спит еще, не вставал! – отвечает Марфа Ивановна, смотря в землю.

– Это до одиннадцатого-то часу?.. – возвышая голос и обводя гостей выразительным взглядом, произносит первый.

– Нынче все так! – прибавляет с иронией второй.

– А по-моему, – вскрикивает третий, – взять бы хорошую палку, да!..

И при этом делается рукою взмах, соответствующий назначению палки.

2

От обид такого рода в особенности пострадало в нашей глухой стороне семейство Уполовниковых. Сам господин Уполовников обижен до такой степени, что даже и упоминать не хочет о сих мерзостях и только отмахивается рукою, если ему предложат какой-нибудь вопрос по поводу его несчастий. Напротив, супруга его, Марфа Ильинична, очень желала бы сообщить какой-нибудь теплой душе все тайны своего сердца, но «держание уха востро» не подпускает близко к ней таковой души. Всякий норовит узнать сущность дела в двух словах и уйти; Марфа же Ильинична, напротив, желает объяснить дело в полном объеме.

Целые дни сидит она под окошком, выжидая необходимую ей теплую душу, и, за неимением ее, поверяет свои обиды толстым чулочным спицам, которые, не привыкнув к такому доверию, поминутно спускают петли, путаются и вводят госпожу Уполовникову в немалое негодование.

Но вот под окнами, на противоположном тротуаре, мелькнула фигура знакомого чиновника Кукушкина, и Уполовникова сразу решается не выпускать его из рук. Она высовывается в окно и вопиет своим старческим голосом:

– Батюшка! Семен Семенович! Зайди на минуточку. Сделай твое такое одолжение!

– Не могу-с!.. Не имею времени!

– Да сделай же милость, хоть пирожка?

– Времени не имею-с!.. Не имею времени! И притом... боюсь...

– Что такое, господи! Кого ж бояться?..

– Да вашего, этого... господина... студента-то... Ну их!

– Да нету его! Давно нету! Уехал!..

– Не-ету?.. – перебираясь через дорогу, удивленно вопрошает Кукушкин. – Из-за чего же собственно их нету?

– Уехал, уехал!.. Да ты зайди хоть на минуточку-то...

– Ай-ай-ай! – недоумевает чиновник. – Да будто бы нету их?

Уполовникова подтверждает это, и чиновник, покачивая головой, направляется к воротам. Теплая душа входит в горницу, раскланивается, оглядывает углы и, убедившись, что в них не притаилось ничего ужасного, вроде «господина студента», принимается за закуску, во время которой теплая душа иногда поднимает голову, разевает набитый рот и обращается к Уполовниковой с вопросом: «Да будто бы же? Да неужели же они уж?..» Уполовникова удовлетворяет его вопросам, но не прерывает спокойного течения закуски, твердо зная, что теплой душе в самом деле нехудо бы подкрепиться, прежде нежели на нее она навалится с печальями. Наконец знакомый отирает ладонью рот и, всунув руки в рукава, спрашивает:

– Следственно, матушка Марфа Ильинична, упоминаете вы в том смысле, что их как бы уже нету?

– Уехал, отец мой, и даже не простился!

Теплая душа изумленно смотрит на хозяйку, но тотчас же, вытянув кверху брови, произносит сжатыми негодованием губами:

– Просвещены!..

– Да уж должно быть, что от просвещения этого... от ихнего...

– Да-да-с!.. От обширного ихнего ума! – Гость с сердцем плюет в землю и прибавляет: – Ффу ты, боже мой, до чего, можно сказать... Тьфу! Более ничего!

Чиновница Уполовникова едва владеет собою: руки ее дрожат, петли спускаются и голова не совсем твердо сидит на плечах.

– Так как же вы, Марфа Ильинична, изволили упомянуть-то? Из-за каких же собственно смыслов уехали они?

– Изволишь видеть, как было... На Фоминой неделе, никак этак в среду али в четверг, уж не упомню хорошенько-то, собираемся мы с мужем, друг ты мой, к заутрени... Собрались этак-то, только выходим на крыльцо, – хватъ-похватъ – подлетает тройка, и сейчас сынок наш соскакивает и прямо говорит: «Я, говорит, папенька, к вам отдохнуть... Уж сделайте милость, говорит, позвольте...» Мы с отцом так обрадовались, так рады и, кажется, себя не помним, сейчас самовар, то, другое... «Нет, – кричит сынок-то, – ничего не нужно, сделайте милость, дайте мне где-нибудь прилечь... Ехал, изволите видеть, семьсот верст, – устал...» И ни слова

не говоря, только что поздоровался, бросился прямо в горницу, в эту вот самую комнату (слушатель испуганным взглядом обводит стены и углы комнаты), вбежал и прямо так на диван и повалился... Спит. Поглядели мы на него – «ну что ж, думаем, с дороги человек устал, пускай в самом деле отдохнет...» Оставили его и пошли своим путем к заутрени. Отстояли честь честью службу, выходим на паперть, встречается Артамон Ильич с Авдотьей Карповной, Кузьма Митрич Чуйкин с женой и прочие наши знакомые. Встречаемся. «Здравствуйте. Что новенького?» – «Да вот, – говорим с мужем, – сынок приехал». – «Это Сережа-то?» – «Он, говорим, Сергей!» Любопытствуют знать, откуда? Отвечаем им: так и так, из Санктпетербурга, мол, прибыл, на почтовых. Кто же, спрашивают, он – то есть, по какой части?.. Отвечаем им, что главное по просвещению пошел и в высокой науке состоит... Все очень этому обрадовались, и тем пуще всего любопытство их взяло, что из Санктпетербурга: «Не возможно ли, говорят, нам будет на него взглянуть?..» Тогда отец отвечает им: «Господи помилуй! Что ж это такое за диковина, что и взглянуть на него нельзя? Пожалуйте к нам чайку откусать, я вам его и покажу во всей форме». Пошли все к нам пить чай. Пьем мы чай, а отец идет к Сергею и говорит ему: «Дружок, говорит, многие друзья наши, заинтересовавшись тем, как ты из Санктпетербурга и идешь по просвещению, то очень желают видеть тебя... Пойдем к ним...»

– Папенька, говорит, сделайте милость, увольте меня!

– Но, дружок мой, – говорит отец, – ведь ждут и желают порасспросить у тебя кое-что о столичных новостях.

– Ради бога, говорит, позвольте как-нибудь после... Что я с ними буду говорить, какие новости?.. Я никаких новостей не знаю...

– Как же это ты не знаешь?

– Ей-богу, не знаю ничего... Не могу!.. Не пойду!.. После.

Завалился и захрапел. А отец так с носом и остался. Как это вам покажется? а?

– Просвещены!

– Рожу свою не мог на минуту в другую комнату высунуть!

Очень это отца огорчило; входит в чайную, весь дрожит; однакоже деликатным манером удержался и объявляет: «что так как, говорит, с дороги и заспался, то, сделайте милость, извините его на нонишний раз, а вот в воскресенье покорнейше просим вас откушать у нас чаю, и тогда уж будьте покойны, я вам его предоставлю». С этим гости и разошлись... Как нам в ту пору было горько, кажется – ах!.. Ну, однакоже, мы виду не подали. Ни-ни!.. Приходит время; замечаем мы – грубость. Что ни спросишь: «ей-богу, говорит, не знаю, никогда не видал»...

– Как, мол, дружок, спрашиваем, начальство вас наказывает ли? Или же, опять, в каком чине ваш главноуправляющий вашим заведением?..

– «Ей-богу, не знаю!» – Только того и есть!..

Думаем, думаем, ума не приложим, как быть! А он тем

временем каждый божий день зачал с ружьем по болотам шататься. Первое дело – то обидно: ну, неровен час, утонет? долго ли до греха? А второе дело – ружье: постоянно порох, пули, – ну, как да ляпнет ненароком? Нечто ружье-то с умом? Иной, случается, маленькие дети ходят, – хлопнет, вот-те и сказ. С кого взыщут-то? К ответу-то отца потянут, – как дозволил сыну? Так ли я говорю? Ну, так это нас беспокоило, так беспокоило, а тут пуще всего, в том опять обида, что глаз домой не кажет.

– Неужели, Сергей, – говорит отец ему, – неужели болото для тебя дороже отца?

– Папенька, говорит, я это для отдыха...

– Да дружок мой, посуди же ты сам, какой же эта стрельба составляет отдых? когда, чего боже избави, можешь ты пулю себя повредить?

– Вот, говорит, пустяки!

– Дружок мой, – говорит отец, – хотя я и говорю пустяки и хотя, говорит, ты отдыхаешь, и болото для тебя милее отца и матери, то все-таки, друг мой, уж извини, говорит, отдыхать ты отдыхай, а отца все-таки уважать должен. Уж извини!

– Да помилуйте, то-се, тиль-виль... – прикусил язычок-то, не потрафит, что сказать, а отец между прочим продолжает:

– Я тебя, говорит, друг мой, прошу в воскресенье быть дома, ибо позваны мною многие наши друзья, дабы видеть тебя. Поэтому очень бы я хотел, чтобы ты оделся в твою парадную форму, как то: в мундир, шпагу и держал бы для ви-

ду каску свою; то есть, чтобы гости, видя твой костюм, завидовали бы мне и ценили бы меня... Так как имею я такого сына...

– Хорошо-с! – говорит, согласился.

Подходит воскресенье, пришли гости; выводит отец его, – «вот, говорит, сын мой, извольте полюбоваться!..» Гости, обыкновенно, радуются. Начинают его расспрашивать. Один чиновник был в ту пору, хотел он в Петербург жену взять к ясновидящей, пользоваться от полноты, так этот чиновник подходит к Сергею и говорит: «Позвольте, говорит, которые теперича лучшие ясновидящие считаются?» – «Не знаю», говорит. Чиновник обиделся и ушел. Подходит другой и говорит: «Как примерно, будьте так добры, – Исаакиевский собор далеко ли в высоту достигает?» – «Не знаю», говорит... И этот посмотрел на него этак-то, осердился и отошел. Тут уж мы с отцом никаких сил более терпеть не находили. Вызываем его в другую комнату, вызываем и говорим:

– Ты что же это, друг любезный, делаешь?.. Что же это ты, уморить нас хочешь?.. Иди сейчас, отвечай, что тебя спрашивают.

– Я не могу и не пойду...

– Как не пойдешь?

– Не могу!

И уже опять пистолетиной своей подлой вертит, заряжает.

– Брось ружье! – закричал отец.

– Оно, говорит, не заряжено!

– Брось, говорю тебе! Отец я или нет?

В ответ на это он вместе с пистолетиной идет к дверям; мы за ним.

– Брось! – Не бросает и переодевается.

Тут мы уже совсем обезумели от такой обиды. Отец как начал причитать: «Это что такое? Сапог на столе стоит? Где должен сапог стоять? На столе хлеб кладут, дар божий», – и пошел и пошел... Гости слышат, что неладно что-то, потому крик на весь дом, тихим манером за шапки да по домам... Отец-то и после них еще долго причитал, наконец того, видя его упорство, «вон, говорит, из моего дому!» Сережка, долго не думая, хлоп дверью да и был таков!.. Так и уехал. Сказывали, где-то с товарищем, тоже этаким-то, избу наняли в деревне. С мужиками-то, видно, приятнее, чем с отцом, с матерью...

– Просвещены!

Голова и руки чиновницы дрожали; спицы подскакивали и спускали петли.

– Вот так-то, вот и расти детей!.. – говорит чиновник со вздохом.

– Да! Думали-гадали какое ни на есть удовольствие получить, а вместо того на-ко вот!..

Вообще на бедные головы стариков и старушек ежедневно валится множество всякого рода обид; долго накипают они в сердцах старичков и, не имея исхода, рождают жажду самой отчаянной мести, оканчивающуюся обыкновенно

горькими слезами.

Примечания

Впервые опубликовано в журнале «Женский вестник», 1867, III, перепечатано в сборнике «Глушь», СПб., 1875. Печатается по изданию: Сочинения Глеба Успенского. Том третий. СПб., 1891.

В своем рассказе Успенский изображает конфликт между затхлой провинциальной средой и представителем разнородной молодежи, получившим образование в Петербурге и бесконечно отделившимся от мелких интересов захолустного чиновничества. Конфликт этот настолько резок, что рвутся кровные связи – сын, приехавший из Петербурга погостить к родителям, вынужден уехать, и ему «с мужиками-то, видно, приятнее, чем с отцом, с матерью...»